

ВЛАДАРГ ДЕЛЬСАТ

**Главное
в жизни**

Владарг Дельсат

Главное в жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70207063

SelfPub; 2023

Аннотация

Что делать, если весь мир пытается тебя убить? С этим столкнулась Валерия Зайцева. Любимый человек опозорил ее, а близкие отвернулись. Боль настолько велика, что даже молодое сердце уже не может бороться... На помощь девушке приходит Сергей Митрошкин, бывший старший лейтенант, потерявший смысл жизни вне войны. Лере и Сергею предстоит объединиться против всего мира, пытаясь выжить снова и снова. И пусть всё происходящее кажется фантастическим сном, но им придется пройти эту игру до конца. Даже если цена за это – собственная жизнь.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	14
Глава третья	25
Глава четвёртая	37
Глава пятая	48
Глава шестая	60
Глава седьмая	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Владарг Дельсат

Главное в жизни

*Врачам, санитарам, фельдшерам, водителям
службы "Скорой Медицинской Помощи"*

Глава первая

«Как же меня всё задолбало!» – думал товарищ старший лейтенант из племени «летучих мышей» с позывным «Бурят», а в миру – Сергей Митрошкин.

Двигаясь спокойным шагом к полевому аэродрому, он размышлял о том, что его утомила служба, люди вокруг, война эта постоянная... Хотелось покоя, как раз надо было навестить товарища в госпитале, а там и в штаб зайти можно будет. Слыл он балагуром, но его показное балагурство прикрывало усталость. Офицер устал и осознавал это. В идеале был бы хорош отпуск, вот только ехать ему было почти что и некуда. Детдомовское детство, суворовское училище, затем – Рязанское и приглашение к мышам – вот и вся история жизни. Был он молод, отмечен наградами, денег скопил, ибо тратить их было некуда – всем обеспечивала Родина.

Вертолёт раскручивал лопасти, внутри уже кто-то находился, поэтому старлей встряхнулся, натягивая на лицо

улыбку – никто не должен знать, как ему на самом деле холодно в душе. «Разнылся, как девчонка!» – мысленно приструнил он себя, переходя почти на бег, но пилот его уже заметил, потому взлетать не спешил. Задумавшись о рапорте, Сергей сказал совсем не то, что собирался.

– О! Машинка! – воскликнул товарищ старший лейтенант из племени «летучих мышей». – Машинка, подбрось до штаба?

– Я до госпиталя, – откликнулся пилот. – Хочешь?

– Не, меня лечить не надо, – усмехнулся Сергей. – Ладно, давай, прокачусь, по дороге спрыгну, – он запрыгнул в вертолёт, автоматически осматриваясь внутри. – Алёна Ивановна! Какой человек! Человечище!

Внутри обнаружилась хорошо ему знакомая капитан медицинской службы Алёна Ивановна Самойлова. Женщина задумчиво смотрела в какую-то книгу, сразу же от неё оторвавшись, чтобы улыбнуться офицеру.

– Не хохми, – откликнулась женщина. – Падай, давай.

– Какими судьбами? – тактично поинтересовался старший лейтенант.

– Намотанности разглядывала, – коротко откликнулась офицер медицинской службы.

– Связисты намотали? – понимающе кивнув, поинтересовался Сергей. – Ну да, эти могут...

– А ты за речку ходил? – спросила Алёна Ивановна, отмечая утомлённый вид офицера.

– Да... какая там речка! – устало вздохнул тот. Вертолёт, наконец, раскрутил лопасти и пошёл на взлёт. – Умную книжку читаете? – Митрошкин кивнул на заложенную пальцем книгу.

– Скорее, комедия из жизни оленеводов, – хмыкнула женщина. – Хочешь почитать?

– Да вы что! – удивился Сергей. – Я же офицер! Я и читать-то не умею... – протянул обладатель красного диплома МГУ, куда поступил на спор и закончил большей частью экстерном.

– Ага, – с готовностью кивнула товарищ капитан. – А диплом ты на коленке нарисовал.

– Мне его связисты напечатали... – с таинственным видом признался Митрошкин. – За бутылку.

Весело перешучиваясь в чреве гремящего вертолета, они летели по направлению к госпиталю, где Митрошкин хотел провести раненого товарища, а Алёне Ивановне предстояло заниматься ранеными, текущими проблемами и всем тем, чего ждут от военного врача. Когда они снова увидятся, было совершенно неясно. Алёна заметила, что Сережа как-то странно поглядывает на неё, но решила об этом не задумываться. Старший лейтенант, в свою очередь, отмечал зрелую красоту женщины, отлично понимая, что ему не светит. Одиночество вновь кольнуло ржавой иглой в сердце.

До госпиталя оставалось километров десять, когда бортовая электроника заискрила, громко заматерился пилот, экс-

тренно идя на посадку, а что было потом – старлей не запомнил. Вроде бы тащил куда-то женщину, или нет...

Очнувшись, он осмотрелся. Вокруг было белым-бело. Тихо пиликал какой-то прибор, светило солнце в знакомые окна, да на дальней койке лежал ещё кто-то. Диагноз был, в общем-то, понятен – не зря ему являлись мысли, что пора оставить всё.

– Госпиталь, – констатировал Сергей. – Ну, в чём-то задача достигнута.

– Спасибо тебе, Серёжа, – услышал он голос Алёны Ивановны.

Как будто специально ожидая, когда он очнётся, женщина находилась в палате. Сидела она в коляске, ноги её были перебинтованы, но не ампутированы, что вселяло определённую надежду на продолжение службы. А вот Митрошкин чувствовал себя так, как будто по нему промаршировала вся дивизия ВДВ, что радовать, разумеется, не могло.

– Ты мне жизнь спас, Серёжа, – продолжила женщина, тихо вздохнув. – А вот с тобой не всё так просто.

– Я догадался, – попытался, но не смог кивнуть Сергей. – Под списание?

– Ты сам всё понимаешь, – сообщила она ему. – Я могу поговорить, чтобы...

– Не надо, Алёна Ивановна, – покачал он головой. – Мне точно службы уже хватит. Куплю домик в деревне, огурцы сажать буду...

Ситуация оказалась непростой, но восстановить старлея возможности были. Вот только после того, как его так качественно переломало, служить он уже не мог. По крайней мере, в летучих мышах или крылатой пехоте. Фактически, путь ему был теперь в каптёрку или в комендачи, куда не хотел уже сам Сергей, поэтому как-то так само вышло, что через почти полгода подразделение провожало своего боевого товарища на покой. Звеня наградами, обнимался он с каждым. Служба закончилась.

С покупкой домика помогли друзья. Деревня оказалась неподалёку от города, а дом стоял почти в лесу, недалеко от берега неширокой реки. Добротный двухэтажный дом имел не самую хорошую славу в деревне, потому его обходили стороной, но Сергея эта весть, скорее, порадовала – ему очень хотелось уединения. Просто побыть одному и отдохнуть. От войны, от кочевой жизни, чтобы никто не слышал его криков. Даже поплакать в тишине. С одной стороны, казалось – жизнь закончилась, а вот с другой... С другой всё было непросто, о чём бывший старлей время от времени размышлял, сидя на лавке у дома долгими вечерами.

Во сне приходили друзья, и живые, и нет – война всё не отпускала старлея, но постепенно он брал себя в руки, стал подумывать о месте работы. Диплом у него был экономическим, но вот идея просиживать штаны в какой-нибудь конторе ему претила совершенно. В милицию идти не хотел уже он сам, считая, что честных там остаётся всё меньше, поэто-

му выбор оказался очевидным – водителем на скорую. Эта работа обеспечивала драйв, при этом, в отличие от милиции или пожарной охраны, не являлась службой. Это была именно работа и, как казалось Сергею, очень важная работа, что его устраивало.

Изо всех сил сдерживая слёзы, Валерия Зайцева по прозвищу Зая собирала вещи. Была она девушкой красивой, но... несчастной, хотя ещё месяц назад считала, что, в общем-то, у неё всё в порядке. В свои двадцать лет Лера уже была сложившейся личностью, умела держать себя под контролем и ни за что не показывала своих истинных чувств, как сейчас.

В восемнадцать лет уйдя из дома, полного вечных скандалов родителей между собой, она встретила, как ей тогда казалось, самого лучшего человека на свете. Сколько себя Лера помнила, её родители то расходились, то опять сходились, то делили имущество, и всё это со скандалами, перегружая психику ребёнка. С детских лет она запомнила, что, когда родители ссорятся, надо забиться куда-нибудь поглубже, чтобы не влетело ей самой. Бить ребёнка они не стеснялись, а боль Лера не любила, как и все дети.

«Самый лучший на свете» мужчина всего через год принялся меняться. Появились странные желания и в быту, и... в постели, но Лера считала, что так правильно, ведь подруги

говорили ей, что все мужики такие. И девушка смирилась, но... Хотелось ей совсем другого. Она мечтала о тепле и ласке, чтобы поняли, чтобы... Просто знать, что на свете есть хоть какой-то человек, кому она может доверять.

Боли в груди девушка игнорировала, считая, что нечему там у неё болеть, но вот самый лучший когда-то мужчина... Ему вдруг перестало нравиться в ней абсолютно всё, и Лера уже и сама не знала, что ей сделать, чтобы её, наконец, похвалили, а не хмурили брови. Злые слова ранили неимоверно, отчего всё чаще становилось страшно и хотелось плакать.

«Лучше бы бил», – однажды подумалось Лере, но очень быстро она познала и это унижение. Было не так больно, как очень обидно. А он... Ему, кажется, отныне понравились её слёзы. За что с ней так обращаются, девушка совсем не понимала. К родителям идти было почти бесполезно, да и не доверяла она им...

Вчера она, наконец, не выдержала, заявив, что уходит, а сегодня её уволили. Просто без объяснения причин взяли и выкинули за день до зарплаты, отказавшись её платить. Она собирала вещи, думая о том, куда пойдёт теперь. Бороться за свои права и требовать справедливости было явно бесполезно, а знакомиться с «крышей» фирмы желания не было. Возвращаться к этому?... Нет уж... Домой, чтобы выслушать мамины нотации и папины оскорбления?

Лера знала, что папа не биологический у неё, потому что... так получилось. Именно от этого она так плакала

от одной песни и прятала ото всех одну старую фотографию. Мама хотела её выкинуть, но совсем маленькая тогда девочка нашла её и спрятала. Вот и сейчас, посмотрев в добрые глаза мужчины на фото, которого она никогда не знала, девушка взяла себя в руки. В груди уже разгорался пожар задушенной ранее боли, жгучей, как щипавшие глаза слёзы.

Она уже выходила с работы, когда ей в лицо бросили какой-то конверт. Нaoщупь это были явно не деньги, но поймавшая конверт Лера не стала вскрывать его немедленно, а просто, положив в сумку, двинулась прочь. В голове было пусто, в груди – больно. Казалось, мир качается и плывёт вокруг, а всё, что произошло – это было не с ней. Хотелось, чтобы все вокруг стало неправдой.

Лера медленно шла по улице, вокруг сустились люди, куда-то спешили, что-то искали. В кошельке у неё было совсем немного денег, хотя неделю протянуть хватит. Она шла, прикидывая, что может сделать, но при этом не понимала, что именно. Слабость в ногах Лера интерпретировала как усталость и, решив присесть отдохнуть, свернула к парку.

Пройти нужно было совсем немного, а там неподалёку был и телефон-автомат. Можно было позвонить подруге или, на худой конец, тёте. Мобильный телефон был роскошью, как и пейджер, поэтому у девушки его и не было. Но таксофоны работали.

Немного посидев на лавочке, Лера поднялась на ноги. Некогда было расслаиваться, она чувствовала себя всё хуже.

Отчего так происходит, девушка совершенно не понимала, но и сдаваться не собиралась. Напомнив себе ещё раз, что она сильная, Лера шагнула к таксофону. Телефоны она помнила наизусть, теперь же ей предстояло выяснить, насколько подруги действительно являются подругами.

Монета опустилась в прорезь, дрожащий палец набрал номер. Спустя два гудка трубку подняли, Лера поздоровалась, но в ответ услышала... Подруга назвала девушку очень нехорошим словом, сказав, что больше с такой общаться не желает. Слезы сами брызнули из глаз Леры. Что происходит – девушка совсем уже не понимала, но и сдержаться не могла, максимально заглушив рыдания. Палец вновь потянулся к диску.

– Нет, Зая, – прозвучал в ответ на просьбу насмешливой голос. – Для таких, как ты, другие дома есть. Сама знаешь, какие.

– Мила, что происходит?! – воскликнула Лера. – Я не понимаю, что ты имеешь в виду!

– Не пытайся прикинуться целочкой, – с какой-то брезгливостью прозвучало в трубке. – Тебя весь город видел! – и раздались короткие гудки.

Понятней не стало. Лера медленно вышла из жёлтой кабинки, но никуда не пошла. Казалось, ноги просто не хотят шевелиться, перед глазами замелькали радужные пятна, и становилось трудно дышать. Девушка подумала о том, что, возможно, какой-то ответ может содержаться в брошенном

ей конверте.

Прижавшись спиной к стенке кабинки, Лера дрожащими руками полезла в сумочку, нащупывая конверт. Открыть его с первой попытки не удалось, да и со второй тоже, но девушка очень старалась, разорвав бумагу. В руку вывалилась прямоугольная картонная коробочка, похожая на те, в которых продаются карты. Взгляд не фиксировал то, что было на коробке нарисовано, а руки уже вскрывали упаковку.

Это действительно оказались карты... Вот только изображена на них была она, Лера. В откровенных позах, часто связанная, она демонстрировала себя с этих карт. «Откуда?!» – этот вопрос прошил голову острой болью. Как это стало возможным?! Девушка не понимала, подозревая, впрочем, автора. Теперь стали понятны и странные желания того, с кем она жила, и увольнение, и почему она ничего никому доказать не сможет. Земля задрожала у неё под ногами, будто исчезнув, острая боль в груди заставила задохнуться.

Последнее, что слышала пытавшаяся вдохнуть девушка, перед глазами которой было темно, как ночью, – визг тормозов, а затем всё погасло. Стало очень холодно, как в холодильнике, и страшно. Страх и холод усиливались, поглощая Леру, уже понимавшую, что умирает, пока всё как-то вдруг не закончилось.

Глава вторая

– Совсем один ты, милоч, – услышал сидевший у самой речки Сергей.

Обернувшись, он увидел бабу Ньюру – старушку в возрасте лет восьмидесяти, но крепкую. Слыла баба Ньюра в деревне ведьмой, но была доброй и улыбочливой. Мало кто знал, что прошла она в жизни, потеряв сестру ещё в детстве. Мало кто видел зловещие цифры на руке бабы Ньюры, всегда носившей платья с длинными рукавами. Но с бедой деревенские неизменно шли к ней. Они знали – баба Ньюра поможет и посоветует.

– Детдомовский я, – криво ухмыльнулся бывший старлей, давая одиночество в душе. – Вот и нет никого.

– Не о том я сказала, – покачала головой баба Ньюра. – Плохо, когда один... Да и опалён ты огнём...

– Ну, это не секрет, – хмыкнул Сергей. – Видите ли, баба Ньюра, офицерской женой быть трудно.

– Мне ли не знать, – улыбнулась старушка. – Но я буду ходить к тебе, солдат. И будем мы с тобой разговаривать...

Сергей понял, что его просто ставят в известность, поэтому молча кивнул. Спустя совсем немного времени баба Ньюра поселилась в его доме. И стало как-то неожиданно теплее. Появились занавески, салфетки, заиграла новыми красками печь, потянулись и деревенские, появились знакомства.

Ощущение было каким-то незнакомым, неведомым никогда не знавшему тепла домашнего уюта офицеру, ведь бывших офицеров не бывает.

Всё чаще хотелось Сергею назвать бабу Нюру... мамой. Она была именно матерью – очень тёплой, понимающей, готовой поговорить. А её ласка однажды заставила Сергея заплакать. Он не представлял себе, что способен на такое, но ощутив материнскую ласку, просто расплакался, как маленький.

– У всех должен быть хоть кто-то, Серёжа, – сказала ему тогда баба Нюра. – Плохо, когда совсем один.

Это он уже понимал и сам, как-то легко начав всё-таки называть бабу Нюру мамой. Обретая то, чего не знал и не ведал в своей жизни. Всё теплее ему было возвращаться со смены домой. Всё труднее уходить на неё.

– Серёжа, – как-то позвала его баба Нюра, когда Сергей уже почти вышел к мотоциклу, чтобы ехать на подстанцию.

– Да, мама? – мгновенно отреагировал молодой человек, возвращаясь в дом.

– Сегодня тебе предстоит испытание, – совершенно непонятно откликнулась та, кого он звал мамой. – Не страшись своих желаний.

– Хорошо, мама, – кивнул Сергей, ничего не поняв, но тем не менее решив быть повнимательней.

Но прошёл день, затем ночь, за которые ничего не случилось, да и утром следующего дня тоже – рутинные вызовы,

даже без необходимости лишний раз включать сирену, поэтому Митрошкин выбросил из головы мамины слова в тот момент, когда вызова закончились, и они спокойно возвращались на подстанцию, чтобы сдать дежурство.

Сергей уже предвкушал, как обнимет маму, когда тренированный глаз выцепил её. Стоявшая рядом с белой стеной девушка почти сливалась цветом лица с серо-белым камнем, создавая странное ощущение у бывшего старлея, и было это ощущением беды, поэтому рука автоматически включила маячки, а нога нажала на педаль.

Машина затормозила рядом как раз в тот момент, когда девушка начала как-то очень медленно, бесконечно долго падать на грязный асфальт, прямо под ноги безразличных ко всему людей.

– Марь Фёдоровна! – закричал Сергей в салон, но врач уже всё поняла и сама.

Весь экипаж выскочил к упавшей девушке, совсем девчонке, по мнению Сергея. Та, кажется, даже не дышала, но Марья Фёдоровна была очень опытным врачом, проработавшим не один десяток лет на скорой, поэтому быстро организовала бригаду, оказывая помощь прямо на асфальте.

– Серёжа, вещи её прибери, – кинул фельдшер бригады, в пулемётном темпе набирая шприцы.

Сергей кивнул, собирая вещи, выпавшие из рук девушки. Глаза зацепились за колоду карт, в картинках которой узнавалась именно эта пациентка, но вот выводы делать водитель

не спешил. «Проститутка? – подумалось ему. – Да нет, не похожа». Девушка действительно на «ночную бабочку» похожа не была, по мнению офицера. Решив подумать об этом позже, он положил вещи девушки в машину и выдернул каталку. Так или иначе, она понадобится.

Моментально образовавшаяся плотная толпа жадно смотрела на то, как врачи борются за жизнь этого почти ребёнка. Сергей такого не понимал – доселе вполне разумные люди выглядели, как животные, вслух размышляя о том, выживет ли девушка. Хотелось их разогнать, грубо гаркнув: «Ну, чего уставились?!»

– Носилки! – скомандовала Марья Фёдоровна, каким-то чудом заставив девушку дышать. – Быстро, Серёжа! ОИМ!¹

Это значило – дорога каждая секунда, что бывший старший лейтенант хорошо понял. Подвезя каталку, он помог переложить пациентку, вопросительно глядя на медиков. В ответ ему просто кивнули – жива, значит. То есть – в машину закладывать головой вперёд, а не ногами.

Машина с пробуксовкой сорвалась с места, ибо фельдшер всё показал знаками. Видя, что медикам явно не до рации, Сергей потянулся к тангете. По правилам, он не имел на это права, но сейчас действительно была дорога каждая секунда, потому что инфаркт в молодом возрасте мог значить всё что угодно.

¹ Острый инфаркт миокарда.

– Марс², здесь тринадцатая, – спокойным голосом позвал Сергей диспетчерскую. – Везём девчонку лет двадцати, с инфарктом.

– Поняла вас! – Рита, диспетчер, как всегда, соображала просто моментально. Спустя мгновение рация снова ожила: – Третья готова принять.

– По-онял, – протянул Сергей, объезжая очередного «хозяина жизни» на мерседесе. – Летим.

Машина действительно почти летела, виртуозно объезжая тех, кто хотел бы не пропустить или «подрезать» скорую. Не обращая внимания ни на знаки, ни на светофоры, старенький рафик, во чреве которого врачи боролись за жизнь совсем молоденькой девчонки, стараясь отобрать её у смерти, летел по улицам города. Подобно ангелам, спасали жизнь врачи, а автомобиль летел, озаряя улицы заполосными вспышками маячков и оглушая отчаянно ревущей сиреной.

Вот и поворот, в который Сергей влетел на полном ходу, едва не задавив легковушку, водитель которой решил, что сирена кричит не для него. Теперь немного по прямой – и эстакада, на которую уже выскочили реаниматологи. Фельдшер показывает большой палец, а Сергей просто виртуозно подаёт машину. Миг – и каталка скрывается в больничном коридоре. Остро захотелось курить, но офицер подавил это желание, с трудом выбравшись из-за руля. Всё-таки, выжал

² Позывной диспетчерской.

он из рафика даже больше, чем то, что заложили в него на заводе. Но это и не было важным, ведь только что они спасли ещё одну жизнь.

Вот только портрет, едва не выпавший из сумки спасённой, беспокоил старлея. Не грязные карточки игровых карт, а закатанный в пластик портрет совсем молодого десантника, судя по тельняшке, так на девушку похожего. Чёрная лента на портрете говорила сама за себя... Кто он ей? Что случилось?

Глаза открывались будто нехотя, ощущения были такие, как будто в них насыпали песка. Тело совсем не ощущалось, и кроме факта того, что, видимо, лежит, Лера не понимала ничего. Наконец, в открывшиеся глаза брызнул свет, заставив их закрыться снова. Что-то тоненько запищало, и Лера почувствовала, что рядом кто-то есть.

– Не пугаться! – произнёс мужской голос. – Всё уже хорошо.

– Ч-что... – попыталась произнести девушка, ощутив просто невероятную жажду.

– Сейчас напоим, потерпи, – всё тот же неизвестный голос обволакивал её. – Сердце у тебя не выдержало, девочка. Полежи спокойно.

Лера поняла: она в больнице, значит, её спасли. Но зачем? Зачем это надо было делать? После того как её опозорили,

выставив самое сокровенное на всеобщее обозрение, смысла жить совсем не было. Хотелось заплакать, но было, видимо, просто нечем.

– Надо будет разобраться... – услышала она, прежде чем уснуть.

Девушку по имени Валерия Ивановна Зайцева, как было установлено из документов, доставила скорая, но вот она сама, когда находилась в сознании, принималась как-то очень лихо заканчиваться, что нормой, разумеется, не было. Вот только причины этого от врачей ускользали. Да и не было никакого желания разбираться с этими причинами, если бы не водитель скорой, что её привёз.

Вернувшись после смены домой, Сергей рассказал маме о девушке, но та только кивнула, лишь слегка улыбнувшись, что обычным не было и значить могло что угодно. Это заинтересовало старлея, потому, всё ещё считавший себя по привычке офицером, он решил разобраться в том, что происходит, для начала расспросив врачей о состоянии спасённой.

– Непонятно, – покачал головой реаниматолог. – Пока спит – всё хорошо, как просыпается – начинается «ламбада».

– Значит, мысли одолевают, – пожал плечами Сергей. – У неё в вещах портрет есть, в пластик запаянный. Если поставить так, чтобы она видела, может и помочь.

– А может и нет, – резонно заметил врач. – Поди знай, отчего она на свет полетела. Так что опыты ставить не будем.

Реаниматолог был прав, поэтому Леру держали, в основ-

ном, во сне, чтобы дать зажить шву после операции, да и попытаться разобраться. Тут очень помог психиатр, поговоривший с девушкой. Правда, об итогах беседы он никому не рассказал. А Леру ждал очередной удар судьбы. Почему-то эта злая тётка каждый раз была зло, наотмашь, не оставляя шанса подняться и хоть как-то прийти в себя.

Постепенно девушка начала чувствовать руки, даже пыталась ими что-то делать. Психиатр её просто напугал, объяснив, каково живётся в психиатрической клинике, поэтому Лера решила не рисковать. Как связана психиатрическая клиника с тем, что она начинает умирать, едва только подумает о случившемся, Леру не взволновало. Но вот ноги...

– Скажите, это нормально, что я не чувствую ног? – поинтересовалась у лечащего врача Лера.

– Пока да, – улыбнулся ей мужчина, но девушка почувствовала фальшь.

Как он отвёл взгляд, как напряжённо говорил... Было в этом что-то настораживающее. Лера не хотела думать о том, что судьба может оказаться настолько жестокой, но шли дни, заживал шрам, она уже сама могла поесть, вот только ног будто и не было.

Настал день, когда врачи всё-таки решились сказать Лере правду. Видимо, убедившись, что она вполне стабильна, лечащий врач пришёл к ней, присел на стул рядом и, вздохнув, посмотрел девушке в глаза. Увидев жалость во взгляде доктора, Лера почувствовала, как внутри неё всё будто покры-

лось льдом. Предвестником приступа подступил страх.

– Иногда бывает так, – начал врач, явно не понимавший, как ему объяснить случившееся, – что от сильного испуга или стресса отнимаются ноги.

– Я... не могу... ходить? – в три попытки произнесла Лера.

– Из-за испытанного тобой... стресса... – заговорил лечащий врач, – голова забыла, что есть ноги. Это пройдёт само.

– Или не пройдёт, – помертвевшим голосом закончила за него девушка.

Это был конец. Такого сокрушительного удара судьбы Лера не ожидала. Ей было некуда идти, а теперь она была... Произнести это слово было страшно до ужаса, до паники, отчего бултыхнувшееся куда-то вниз сердце девушки вновь попыталось остановиться, но её опять спасли. Непонятно, зачем – теперь Лера не видела смысла жить. Она замерла где-то внутри себя, погрузившись в отчаяние, будто в воды холодного озера. Это была катастрофа.

Врачи, впрочем, так не считали. Они обучали девушку пользоваться коляской, которая, как была уверена Лера, останется теперь с ней навсегда. До самого конца жизни, которого вряд ли придётся долго ждать. Своему бывшему, её предавшему, она такая точно не была нужна, а родители... В том, что родители её не примут, Лера не сомневалась ни минуты. Это значило – ей негде жить. Таковую, какой она стала, никто не примет, да даже не посмотрит!

Так прошли ещё две недели, а потом Леру просто выписали. Как они сказали – домой. Получив на руки свои вещи, девушка медленно покатила по больничному коридору, прочь от палаты, принёсшей ей столько горя, уничтожившей её жизнь, надежды на будущее, всё. «Осталось только с моста прыгнуть», – подумала Лера. Но и тут она была не уверена, получится ли у неё теперь.

Она замерла чуть ли не на самом выезде с больничной территории, опустив руки. Ехать куда-то не было сил. Хотелось просто умереть, но Лера понимала, что мысль это плохая, потому что всё равно спасут, и будет только хуже. Поэтому она просто упёрлась взглядом в кроны деревьев, впад в какое-то странное оцепенение. Мыслей не было никаких, а её саму будто бы не видел никто, отчего девушка, пережившая очередную катастрофу, но не сумевшая с ней справиться, погружалась всё глубже в себя.

Лера не увидела въехавшую во двор больницы машину скорой помощи, не услышала скрипа тормозов, она просто смотрела на небо, на кроны деревьев, на облака и прощалась с этим миром, не надеясь уже выжить. Но вот подбросивший коллегу до больницы Сергей был иного мнения. Девушку он, разумеется, узнал, хотя сейчас она труп уже не напоминала. Разве что глаза... В прошлом старший лейтенант такие глаза видел не раз, поэтому сразу же понял, что испытывает Валерия. Имя её он знал из документов, вот только, что произошло – нет.

Судьба, казалось, хотела дать шанс им обоим. Ему – обрести смысл жизни в заботе о девушке, а ей – шанс всё-таки жить. Сергей, разумеется, об этом не думал, он просто поднял коляску вместе с удивительно лёгкой девушкой в машину, фиксируя её там специальными ремешками. Лера всё так же сидела, безучастно глядя куда-то вверх, и на внешние раздражители не реагировала. Рыкнув мотором, пожилой рафик развернулся, чтобы укатить из опустевшего больничного двора.

Глава третья

– Первая, третья, седьмая, восьмая, девятая, тринадцатая, двадцать девятая и психи³! Быстро на вызов! – сообщил ви-сящий «матюгальник». – Поехали! Спецы⁴! Бегом!

Салон и кухня моментально опустели, в коридоре вы-строилась очередь к окошку диспетчерской. Врачи получа-ли карточки вызовов, а Сергей медленно двинулся к маши-не. На время отпуска Марьи Фёдоровны, к нему переселили педиатрическую бригаду, правда номер менять не стали, по-этому доктору Альперовичу и его верной фельдшерице Све-те по прозвищу Малыш предстояло привыкать к новому но-меру.

Усевшись за руль, Сергей оставил дверь открытой, при-слушиваясь к разговорам врачей, уже получивших карточки вызовов и выходящих во двор. Он здесь знал уже каждого, да и его знали и уважали как молодого, но классного водителя. Ездить с педиатрией Сергею неожиданно понравилось, тёп-лая какая-то оказалась бригада, хоть и не без своих нюансов.

– На что едешь? – поинтересовался у Альперовича Васька из девятой. Несмотря на свои почти тридцать, он так и остал-ся для всей подстанции просто Васькой. Его отчество, навер-

³ Психиатрическая бригада.

⁴ Специальная бригада – кардиология, реанимация и т. п.

ное, только Гром и знал, ну, или начмед, которой это было положено по должности. Громом называли начальника подстанции, причём все, ибо голос у него был, по мнению Сергея, похож по громкости на танковый дизель.

– Девица, четырнадцать лет, плохо, – пояснил доктор. – Вот интересно, когда нули начнут выяснять, что именно болит?

Нулями в скорой называли диспетчеров, принимавших звонки граждан. Почему так, Сергей не знал, улыбнувшись возмущению в голосе «своего» доктора. В салоне хихикнула фельдшер, тоже подслушивавшая. Светочка по прозвищу Малыш была фельдшером педиатрической бригады и всеобщей любимицей, несмотря на острый язычок. Русская красавица росточком Сергею по подмышку и весом с ящик для медикаментов обладала какой-то дикой интуицией, буквально чувствуя малышей. А интуиция на скорой – она на вес золота. Она везде на вес золота, это старлей знал, как никто другой.

– Никогда, даже не надейся, – хмыкнул догнавший педиатра тёзка из психиатрической бригады. – Я там Малышу колбасы заначил, а то маленькая она у тебя.

– Замётано, – кивнул Альперович, улыбнувшись. – Вась, а тебе что досталось?

– «Золотой фонд»⁵ с болями в животе, – грустно ответил врач девятой бригады. – С кем бы махнуть? – выезжать

⁵ Пенсионеры.

к бабушкам никто не любил, а девятую совсем не вдохновляли старушки, помнившие становление страны и, что самое страшное, любившие об этом рассказывать замотанному «сутками» врачу, заставляя Сергея радоваться тому, что он – всего лишь водитель.

– Кто там у тебя? – доктор восьмой заглянул в карточку и перекрестился. – К Никитичне не поедет никто, даже не надейся, лучше вспоминай, где накосячил, что Ритка на тебя так взъелась.

Со двора подстанции с воем и миганием маячков разъезжались машины. Унеслась единственная на весь город жёлтая машина «спецов», оглушая сиреной даже самих медиков, сидевших внутри. Поскрипывая и похрустывая тормозами, выехала выдавшая виды «таблетка» психиатрической бригады. Разъезжались рафики других бригад, начиналась нормальная смена, полная старушечьих стонов, ничего не помнящих алкашей, детского плача... В общем – битва за жизнь, ежедневная работа скорой помощи.

Получив на руки от усевшегося рядом Альперовича карточку, Сергей вздохнул, заводя машину. Понимать они друг друга как-то вдруг стали чуть ли не с полуслова, как когда-то давно было с коллегами во взводе, именно поэтому доктор не стал ничего говорить, по-ленински указав направление. Водитель кивнул, включая сирену. Рафик взвыл и начал набирать скорость, разгоняя сигналом зазевавшихся водителей, а Сергей поглядывал на утреннюю пантомиму док-

торов. Вот Альперович с меланхоличным выражением лица открыл заслонку, Светка, скорей всего, сделала заинтересованное выражение лица.

– И кто у нас сегодня? – донёсся до Сергея звонкий голос девушки, заставивший его вспомнить о Лере.

– Всё, как ты любишь, Малыш, – ответил ей доктор. – Четырнадцать лет, плохо. Или истерика, или суицид, или хроника какая-нибудь.

– У-г-у... – протянула Светлана Игоревна. – Весна, томления...

Машина неслась по скользким дорогам, отчего иногда казалось, что просто летишь по воздуху. Ехать было недалеко, поэтому долетели довольно быстро. Внимательно взглянув по курсу, Сергей со скрипом притормозил. Стало тихо, затем с улицы послышались какие-то отрицательно наполненные крики, отчего бывший старлей полез со своего места. Учитывая его рост за два метра и вес за центнер, представлявшие из себя комок мышц, выглядело это для неподготовленного человека страшно – как будто разбуженный медведь выбирается из берлоги. Крики моментально затихли, что говорило о развитом инстинкте самосохранения кричавшего. Пока Сергей потягивался, доктора порскнули в подъезд.

Через некоторое время водитель увидел, что Светочка машет из окна. Всё было понятно – транспортировка, учитывая, что речь шла о ребёнке, носилки он решил не брать, легко взлетев на пятый этаж. Дверь квартиры была приот-

крытой, поэтому Сергей спокойно вошёл, несколько напугав собиравшихся качать права взрослых людей сомнительной, по его мнению, разумности.

– Что тут? – поинтересовался он.

– Длительное маточное, выкидыш, – сообщила ему работавшая Светлана, понимавшая, что шансов немного – могут и не довести.

Понимал это и старлей, подхватив ребёнка на руки. Дальше надлежало быстро, но аккуратно спуститься, устроить ребёнка и очень быстро, но аккуратно доехать.

Машина неслась к третьей городской, доктора работали. Давление ребёнка не стабилизировалось, почти отнимая надежду, что было ясно из переговоров между собой, но медики работали, вырывая у смерти ещё одну жизнь. Распугивая водителей, обращая на себя внимание постовых, сразу же останавливавших движение, белый РАФ с красной полосой стремился успеть. Сергей потянулся к рации.

– Тринадцатая – Марсу, – зачастил Митрошкин, – выкидыш, везём в третью, пусть встречают.

– Так вы же к дитю ехали? – удивилась дежурившая сегодня Рита, девушка мягкая, если не доводить.

– Дитё успело, – лаконично ответил водитель. – Сексуальная революция, что ты хочешь... И ментов извести, четырнадцать лет всё-таки.

– Вас ждут, тринадцатая, – ответила Рита, сразу же переключившись на другие бригады. А машина летела в надежде

успеть.

Больше почувствовав, чем услышав испуганный вскрик девочки, Сергей, оскалившись, вывернул руль. Автомобиль, презрев все правила дорожного движения, влетел на территорию больницы.

Света уселась там, где стояла, пытаясь прикурить дрожащими руками. Альперович обнял её, прижав к себе. Она действительно была очень маленькой по сравнению с почти двухметровым доктором. Перенервничала, руки дрожали, поэтому доктор Витя отобрал у Малыша сигарету и спички, прикуривая ей. Они смогли, довели девчонку, которая едва не упорхнула, Сергей это очень хорошо понимал. У него самого откат будет потом – уже дома.

– Да, рано начинают, – произнёс Митрошкин. – Четырнадцать лет... Дети – всё?

– У неё? – понял Альперович, потом подумал и кивнул. – Да, скорее всего. Жалко девчонку.

– Жалко, – всхлипнула Светка, у которой начался откат.

– На вот шоколадку, – выдал девушке маленькую плитку её доктор. – Закушай стресс и поедем.

Всё проходит, и спустя одну сигарету машина медленно выехала с территории больницы. Смена на этот раз начиналась как-то слишком динамично, впрочем, это ничего не означало. Она могла продолжиться также, а могла и...

– Марс, здесь тринадцатая, мы свободны, – проговорил в рацию Альперович, отобрав танкету у водителя. Он поглядывал на порозовевшую Малыша, контролируя состояние девушки.

– Тринадцатая, домой, – откликнулась Ритуля.

Машина направилась в сторону подстанции. Значит, новых вызовов для них пока не было. В эфире зазвучали голоса «спецов», везущих кардиогенный шок, и «психов», понятно, кого перемещавших, а тринадцатая ехала «домой». Сергей не спешил, давая возможность докторам прийти в себя. Он и врачей, и фельдшеров звал докторами, так как знал, что неучи на скорой просто не выживают, слишком уж тяжёлый это труд.

– Тринадцатая, кого должен любить Док? – услышал Сергей, войдя на кухню. Свободные бригады балагурили, снимая стресс. Педиатры традиционно таскали с собой и водителя, хотя обычным такое поведение не было. Это стоило ценить, о чём старлей не забывал.

– Ребята, чайку ребёнку налейте, – попросил Альперович, имея в виду Светочку.

– Что у вас случилось? – сразу же посерьёзнили ребята, замечая и бледность, и сжатые губы молодой фельдшерицы, чего от детской бригады они давно не видели.

– Девушка четырнадцатилетняя с выкидышем и двухдневным кровотечением, – пояснил доктор Витя. – Малыш её держала до тройки.

– Ого... – Леночка из двадцать девятой округлила глаза. – Ничего ж себе...

– Да, – ответил ей кто-то из семнадцатой, кажется, бригады, – это тебе не каловый завал.

Девушке тут же налили чаю, придвинули кулёк с конфетами, кто-то из «стариков» даже погладил сочувственно по спине. Цену тому, что сказал их коллега, доктора отлично знали, как и то, что испытывает сейчас Малыш, так что девушку старались максимально поддержать, делаясь теплом. Доктора знали, что, удерживая буквально чудом пациентов на этой стороне, они держат их самой душой, и откаты от этого бывали страшные.

– Вот сейчас нас ка-а-ак дёрнут... – задумчиво произнесла Танечка, не ошибавшаяся никогда. Это знал даже Сергей, поэтому отставил чашку, пробираясь на выход.

– Двадцать девятая, – устало прохрипел хорошо прибитый в незапамятные годы «матюгальник». – На выезд. Тринадцатая, срочно!

– Вот ведь!.. – нехорошо высказался Альперович, что старлей успел услышать. – Чай не дадут ребёнку попить.

– Что у вас? – поинтересовался Сергей у юной печальной Леночки.

– Пукать едем, – вздохнула девушка, – две недели, болит животик.

– Что, так и написали? – удивился вышедший Альперович, принимая карточку с красной полосой срочности.

– Сам смотри, – Леночка тяжело вздохнула, ей хотелось драйва, а посылали на «пропуки», отчего она грустила. – А у тебя что?

– Неделя, дырка в голове, – прочёл доктор Витя. – «Ну-ли» совсем озверели... Поехали, Малыш, посмотрим, что там за дырка... Сергей?

– Уже в пути, – кивнул Сергей, ссыпаясь по лестнице.

Белый РАФ педиатрической бригады, поскрипывая на поворотах своими сочленениями, споро выезжал со двора подстанции, распугивая пешеходов и зазевавшихся водителей истошным воем сирены. Усевшись в салоне, Альперович неожиданно усадил Свету себе на колени, прижимая к груди и успокаивая ласковыми словами. Девушка не возражала, а Сергею было всё равно, ибо знал он её историю.

Девушка осталась сиротой года четыре назад и, если бы не Альперович, скорее всего, закончилась бы. Очень уж был сильным удар... В одночасье погибшие в автомобильной аварии все родственники... В аварии, на которую в числе многих выезжали и они. Представлять, что испытала эта пигалица, он просто не хотел, поэтому отлично понимал и Альперовича, и Светку, а они были благодарны своему водителю за это.

– Голуби, приехали, – хмыкнул Серёга, остановившись у подъезда. – Может, с вами сходить?

– Думаешь, нарушение генетическое? – хмыкнул Альперович, отрицательно покачав головой, и исчез в темноте.

Возвращались доктора, чуть ли не хватаясь друг за друга от смеха. Сергей заинтересовался, подняв удивлённо брови, чтобы по мере объяснений присоединиться к смеющимся. О том, что до года «родничок» на голове новорождённого медленно зарастает, знал уже и он. Поэтому, когда Альперович объяснил, что было названо дыркой, рассмеялся вместе со всеми.

– Тринадцатая! – Вика, в отличие от Ритки, была свежа и полна сил. – У вас срочный на «Кудыкину гору».

– Тьфу ты, напасть, – сплюнул Сергей, уже примеривавшийся к шаурме. – Нам поесть сегодня дадут?

– У скорой трёхразовое питание: понедельник, среда, пятница, – хмыкнула Светочка, экстренно впихивая в себя бутерброд. – А сегодня вторник, так что пролетели мы. А вот то, что ящик почти пустой – это непорядок...

– Вика, нам бы к Алёнушке, – намекнул Альперович, но диспетчер была неумолима, срочный и всё тут.

Машина заорала ревуном, включая проблесковые маячки. Митрошкин откуда-то приволок вторую батарею оных, с матом и какой-то матерью закрепив на крыше, теперь от белого рафика шарахались с удвоенной силой – незнакомые очертания были у машины, хотя раскраска – всем до боли, так сказать. Вызов действительно был срочным – падение ребёнка трёх лет с четвёртого этажа. Сергею было грустно – он отлично представлял себе, что едут они на труп, а труп ребёнка радовать не может.

– Может, останешься, я поднимусь? – грустно спросил Альперович, тоже отлично всё понимавший.

– И тебя одного оставить? – тихо спросила Малыш, прижимаясь щекой к его руке. – Никогда.

– Приехали, ребята, – вздохнул Митрошкин, с жалостью глядя на медиков. Он тоже отлично представлял, что их там ждало.

Спустя некоторое время из подъезда появился очень злой Альперович. Он подошел к машине, протянул руку Сергею, в которую тот вложил трубку станции.

– Тринадцатая – Марсу! – зловеще проговорил доктор. – «Психов» на меня по последнему адресу!

– А что случилось? – поинтересовалась диспетчер.

– Если меня ещё раз вызовут на кота... – очень злым голосом начал доктор. Через мгновение эфир взорвался хохотом и комментариями.

– Так это что, на кота вызвали? – не понял Сергей.

– Сергей, закинь нас с Малышом в городскую, – попросил Альперович. – Мы там закроем смену, Малышу нужно практику закрыть.

– Да не вопрос, – пожал плечами Митрошкин, сутки заканчивались. – Вмиг домчу!

Машина рыкнула сиреной, направляясь туда, куда надо было докторам. Сергей уже предвкушал встречу с мамой и сладкий сон, когда увидел её. Валерия выглядела просто страшно. Дело было не в инвалидной коляске, а в выражении

лица. Альперович очень внимательно посмотрел на девушку, тяжело вздохнув, затем, пока Сергей молча поднимал коляску в салон, взял танкету.

– Рита! – позвал он. – Сергей приедет попозже, он мне нужен после смены.

– Марс поняла, – девушка ни о чём не спрашивала, за что ей были благодарны. Такие случаи бывали, все о них знали, поэтому возражений и не было, тем более смена не самой лёгкой оказалась.

– Спасибо, Док, – тихо проговорил Митрошкин. – Знаю я такие глаза...

– Знаю я, что ты знаешь, – тяжело вздохнул Альперович. – Давай, ни пуха!

И рыкнув сиреной, белый рафик с красной полосой выехал с больничного двора. Сидевшая внутри него Лера ещё не представляла, как может измениться её жизнь, если...

Глава четвёртая

Лера не понимала, куда её везут и зачем. Она вообще очень слабо воспринимала окружающее, только губы девушки шевелились, что водителю было видно в зеркало заднего вида сквозь открытую заслонку. Сергей присмотрелся, чуть не попав в аварию, и вдруг узнал. Он по губам узнал слова песни, которые шептала девушка, отчего сердце прострелило болью, будто возвращая его обратно – туда, где бывший уже «летучий мыш» провёл так много времени. Хорошо известную офицеру песню шептала девушка по имени Валерия.

Машина ехала, а Сергей думал. Он видел такие глаза – у матерей, потерявших сыновей, у детей, вмиг оставшихся безо всего, у своих друзей... Он не знал, есть ли у Валерии кто-нибудь, но вёз её к себе домой, веря в то, что мама сможет понять, ведь она сама на что-то намекала. Для офицера в отставке всё было понятно: есть девочка, которой плохо, надо хотя бы попытаться помочь, а учитывая ещё и песню...

В деревню машина влетела часа через два, вызывая живейшее удивление окружающих, но при этом никто особо не беспокоился, а баба Нюра вышла на порог, подняв руку козырьком к глазам, и улыбнулась. Такой её и увидел Сергей, затормозив прямо у крыльца.

– Здравствуй, мама, – улыбнулся мужчина, вылезая из ма-

шины. — А я...

— Привёз, — кивнула та, кого в деревне не зря называли ведьмой. — Ну, давай, вынимай.

— Хорошо, — несколько обескуражено кивнул Сергей. — Её Валерией зовут.

— Лерочка, значит, — пробормотала баба Нюра, вздохнув. Лерой звали её погибшую сестру-близнеца.

Сергей открыл багажник, отсоединил ремни и вытащил на свет коляску со всё также безучастно сидевшей Лерой. Девушка не реагировала ни на что, будто находясь совсем не здесь, и только губы её шевелились. Баба Нюра внимательно посмотрела на Леру, только тихо вздохнув. Она тоже знала, что значит такое выражение лица.

— Потерялась она, — тихо произнесла женщина, шагнув к коляске, чтобы обнять девушку. — Знаешь, что с ней?

— У неё сердце не выдержало, мама, инфаркт, — объяснил Сергей. — А потом коляска, видимо, добила.

— Как ты её нашёл? — поинтересовалась баба Нюра, пока её названный сын вкатывал коляску в дом.

— Вот такую вот, в больничном дворе, — спокойно ответил мужчина, аккуратно пересаживая Леру на стул. Состояние ног он увидел, сразу же поняв, что произошло. — Позвоночник, что ли, повреждён?

— Нет, сынок, — покачала головой женщина. — Это у нас ножки отнялись, — ласково продолжила она. — Так бывает, когда совсем плохо. Сейчас мы покушаем...

Лера всё ещё находилась в глубине себя, когда внезапно что-то ткнулось в её губы. Испугавшись в первый миг, она крепче сжала зубы, но затем ощутила то, чего не знала очень давно – её погладили. Просто погладили по голове, как маленькую, отчего глаза будто сами собой сфокусировались на старушке, державшей ложку у самых губ девушки.

– Ну же, – как-то очень ласково произнесла та. – Открывай ротик, сейчас покормим нашу девочку.

– Я... – ошарашенно попыталась что-то сказать Лера, но не смогла – ложка, наполненная чем-то вкусным, сразу не идентифицированным, вмиг оказалась у неё во рту.

Девушка прожевала, проглотив, и снова что-то хотела сказать, но баба Нюра отлично знала, что делает, поэтому выхода у Леры не было – она ела, а старушка, имени которой девушка пока не знала, кормила её, как маленькую – приговаривая что-то, хваля за то, как кушает, и вскоре на глазах девушки показались слёзы. Хотя она не понимала, что происходит и где оказалась, но от неожиданного тепла просто расплакалась.

– Обними её, Серёжа, – попросила баба Нюра, что мужчина немедленно и сделал. – Что-то страшное в жизни у девочки случилось, но мы справимся.

И столько было в её словах спокойной уверенности, что Сергей кивнул. Очень бережно обнимая девушку, он не чувствовал сопротивления, что было с его точки зрения странным. Создавалось ощущение, что девушка просто покори-

лась, полностью сломавшись, и теперь ей всё равно. Новостью этот факт был плохой, но Сергей унывать просто не умел.

– Похоже, некуда идти ей, мама, – тихо заметил старлей.

– А ей и не нужно никуда идти, – баба Нюра закончила кормить девушку. – Вот какая у нас Лерочка умница, хорошо покушала, девочка.

– Кто вы? – тихо спросила Лера, ничего не понимая. Ей казалось, что её выписали только что, и вдруг, сразу, без перехода – дом, тепло и такая ласковая старушка.

– Бабой Нюрой меня кличут, – улыбнулась женщина, потянувшись погладить девушку. – И ты так зови. А обнимает тебя Серёжа, как его звать, вы после промеж собой разберётесь. Ты в безопасности, внучка, ничего тебе не угрожает, и никто не прогонит.

– Так не бывает... – покачала головой Лера. – Что вы хотите взамен?

– Что мы хотим? – вступил Сергей, неожиданно понявший, что нужно сказать. – Мы хотим, чтобы ты жила с нами. Хочешь, будешь сестрой, хочешь, кем другим...

– Но... но... но... – от такого предложения девушка сначала даже забыла, как дышать, а потом неожиданно даже для самой себя разрыдалась.

Она поверила этому мужчине, хоть и не должна была. Лера осознавала, что верить нельзя, она же совсем не знает этих людей, но при этом не могла сопротивляться. Она как-

то внезапно поверила Сергею, поверила в то, что тот не будет к ней лезть, хотя сейчас уже, наверное, это было всё равно – всё, что ниже пояса, девушка почти не чувствовала, поэтому очень опасалась аварии.

– Не бойся, – покачала головой баба Нюра. – Ты дома. Что там у тебя было, сейчас не важно, а важна только ты.

Сергей смотрел на то, как мама обращается с девушкой, и понимал – он так не умеет. Мама, казалось, обнимала потерявшуюся в себе девушку своим теплом, отчего та медленно успокаивалась. Но вот разобраться, что именно с ней произошло, точно стоило. Не просто так совсем молодая девчонка получила инфаркт. Так что задачи были офицеру вполне ясны: кто бы ни сотворил такое с Валерией, от расплаты не уйдёт.

Баба Нюра же прощупала ноги девушки, быстро поняв, что «в туалет», особенно по-маленькому, та может и не почувствовать. Но проблемы в этом старушка не видела совершенно, выгнав Сергея на улицу, чтобы переодеть Лерочку.

– Я тогда машину в город отгоню, – предложил мужчина. – Привезти, может, чего?

– Простынку непромокаемую привези, – тихо, чтобы девушка не слышала, проговорила баба Нюра. – Ей нужно будет сначала. И не чувствует, и кошмары...

Кошмары – это Сергей понимал. Кошмары были и его проблемой, поэтому спать он иногда ложился с опаской. Кивнув, мужчина пошёл к сиротливо стоящему у избы бело-

му рафику с красной полосой.

Лера произошедшего с ней не понимала, она будто потерялась в самой себе, но окружавшие её сейчас люди... Они были, как будто из сказки, ведь таких людей в жестокой реальности просто не могло быть! Сначала Лера думала, что её будут использовать... понятно как... Но этого не случилось. Затем, что заставят милостыню просить, или как там ещё инвалидов используют... Потом заподозрила, что она нужна для шантажа кого-то... Но кого?! Она же совсем никому не нужна!

Девушка наблюдала за Сергеем, относившимся к ней с добротой, но даже не пытавшегося облапить, что в понимании девушки было совсем необычно. Баба Нюра, в свою очередь, подолгу разговаривала с ней, на первый взгляд, ни о чём. Но от этих бесед становилось теплее, несмотря на то, что разговаривать совсем не хотелось. Было очень больно внутри, очень стыдно оттого, что её моют, а иногда и кормят, когда Лера капризничает...

– Мама, а можно я ей песню спою? – поинтересовался Сергей у бабы Нюры. – Она эту песню иногда шепчет.

– Важная песня? – поинтересовалась женщина, знавшая, что это может быть и просто прилипшая мелодия.

– Это очень... – Митрошкин вздохнул, поднимая на маму полные боли глаза. – Её так просто не услышишь, мама...

– Ну, попробуй, сынок, – с сомнением произнесла баба Нюра, ещё не очень понимая, что это за песня, но сев поближе к пересаженной в коляску девушке, одетой в простой сарафан.

Сергей достал гитару, долгое время бывшую его единственной подругой, поднастроил её и начал проигрыш. Лера встрепенулась, с неверием глядя на офицера. Её глаза моментально наполнились слезами. Взгляд при этом стал таким, что баба Нюра охнула.

– Дочка с папой говорит⁶, – негромко, будто рассказывая, начал Сергей. – У портрета стоя...

– У меня котёнок спит, плачет кукла Зоя... – подхватила Лера, будто репетировала. – Во дворе – мальчишка Сашка, у него собака... А ещё машина есть...

Баба Нюра поняла, что это за песня. Глядя в полные боли глаза сына, не раз терявшего друзей, слушая плачущий голос Лерочки, пожилая женщина очень хорошо понимала, о чём эта песня. Двое пели с таким надрывом, что всякому было бы понятно: они это прожили. Понятней, что случилось с девочкой, не стало, но зато Серёжа, похоже, сумел достучаться до её сердца.

– Вот оно что, дети... – вздохнула баба Нюра. – Ну да наладится всё. Все они живы, пока мы помним...

– Они живы... – прошептала девушка. – А я... Что будет со мной?

⁶ ВИА «Голубые береты», «Разговор с портретом».

– Жить будешь, – улыбнулась пожилая женщина. – Здесь, ежели совсем одна, али где захочешь...

– Я... – Лера уже было хотела что-то сказать, но её остановили.

– Будешь готова, тогда и расскажешь, – веско произнёс Сергей. На том и порешили.

Сергей работал на скорой помощи, это Лера запомнила. Вечером того дня, когда он расшевелил её, девушка робко спросила, куда ей можно папину фотографию поставить, а баба Нюра взяла запаянную в пластик карточку, расположив её в красном углу – прямо рядом с иконами. Пока Митрошин объяснял девушке, что это значит, она плакала. Таких людей в её жизни ещё не было. Да Лера даже и не представляла себе, что такие люди на свете существуют!

Видимо, день был сложным для всех, поэтому ночью никаких кошмаров не было. Ни у Сергея не было, ни у Леры, да и у бабы Нюры тоже.

Ранним утром, бывший офицер выскочил по привычке на зарядку и пробежку, во время которой хорошо думалось, а подумать было о чём – о Лере. Карты, которые у неё были при себе, могли значить ещё и то, что девушку ими шантажировали или же... Тут мысли заканчивались, потому что на путану она была совершенно не похожа – ни внешним видом, ни поведением, ни взглядом. Уж «ночных бабочек» Сергей повидал достаточно, потому ситуация отдавала какой-то тайной. Учитывая, что девушке было очень нехорошо

от факта наличия такой колоды, она создавалась точно без её ведома.

Лера спала часов до десяти утра, за это время Сергей успел и одеться, и покормить всю живность, что появилась во дворе вместе с бабой Нюрой, и даже позавтракать вместе с мамой. Вот тогда-то она вывела названного сына на крыльцо с целью расспросить.

– Расскажи, сыночек, как вы познакомились, – мягко попросила баба Нюра, глядя Сергею в глаза.

– Мы ехали домой... На подстанцию, – послушно начал объяснять молодой человек. – Вижу – девчонка цвета стены, ну и как толкнуло меня что-то.

– Это понятно, – покивала женщина головой. – Странная она, предательства ждёт в любой момент.

– При ней колода карт была, – поморщился Сергей. – Там она голая... Только, кажется мне, для неё самой эта колода сюрпризом была...

– Возможно, сынок, возможно, – покивала баба Нюра. – Если позорили публично, то и не так могла... Разузнай-ка о ней, но так, чтобы она не знала... Сможешь?

– Смогу, мама, – кивнул молодой человек, задумчиво взглянув на горизонт. – Подозреваешь чего?

– Не её, сынок, не её, – вздохнула пожилая женщина. – Слишком уж её настойчиво со свету сживали, неспроста это. Этот аргумент Сергею был вполне понятен – сама по себе ситуация выглядела, с его точки зрения, очень странной,

кроме того, надо было прощупать обстановку на предмет – не ищет ли кто Леру, а если ищет – с какой целью.

– Я на работу чуть пораньше сегодня уеду, – сделал вывод старлей. – Хорошо?

– Правильно, сынок, – улыбнулась баба Нюра. – Преду-
преждён – вооружён.

В этот момент подала голос и Лера, к которой сразу же поспешила пожилая женщина, а Сергей остался на крыльце. Во-первых, смущать девушку он не хотел, а во-вторых, мамины слова нуждались в обдумывании, ведь именно такое объяснение произошедшего и было самым логичным. Кроме того, что-то не складывалось в голове старлея. Девушка намеренно оборонила, что отца и не знала, что с началом войны в Афганистане вообще не коррелировало. То есть странность была и здесь, но её можно было прояснить у старых друзей, связи с которыми Сергей, разумеется, не терял.

Проснувшаяся Лера выглядела сущим ребёнком, она очень жалобно, с какой-то надеждой заглядывала в глаза бабе Нюре, за что была обнята и успокоена именно как маленькая. Нормой такая ситуация не была, но ничего неожиданного в ней не было, поэтому, тяжело вздохнув, баба Нюра занялась девушкой.

Лера казалась очень тихой, послушной, но какой-то забитой, как будто привыкла к тому, что ей делают больно, что бабе Нюре понравиться не могло. Нехарактерно такое поведение для девушки, следов побоев на теле которой пожилая

женщина не нашла. Значит, было что-то другое... Но что? Именно этого баба Нюра не понимала, надеясь со временем разобраться.

Глава пятая

– Тринадцатая, спецы, срочно! – голос Вики был напряжён. Оно и понятно, вызов в школу. – Второй класс, сердечный приступ!

Сергей выжимал из машины всё возможное и невозможное, потому что сердечный приступ в восемь лет может означать, что угодно – от Такоцубо⁷ из-за оценки до желудочно-кишечного кровотечения. Заметно было, что Света вся напряглась, чувствуя беду, конечно же, был напряжён и доктор Альперович – очень серьёзный вызов, просто слишком. Осадив машину прямо у школьного крыльца, Митрошкин пошёл с докторами, что-то подсказывало ему, что помощь им понадобится.

На полу школьного класса лежала девчушка, бледная, как стены, неподалёку от неё аккуратно изображала обморок и учительница. Остальные дети выглядели очень испуганными, сгрудившись в противоположном от учительницы углу класса.

– Симулирует, – бросил в сторону женщины доктор Альперович. – Света, держи!

– Деф⁸ нужен? Серёжа, спецов на нас вызови! – выкрик-

⁷ Остро развивающаяся дисфункция миокарда, синдром «разбитого сердца».

⁸ Дефибриллятор.

нула Светочка.

– Стоп, сначала смотрим, – остановил водителя врач. – Помоги-ка...

Сергей с некоторым трудом выволок кардиограф, древний, как нецензурное сравнение, и очень неудобный для переноски, включил его, а в это время задралось вверх школьное платье ребёнка, открывая странный след на ногах, замелькали четыре руки, ставя электроды, пискнул аппарат, рисуя что-то непонятное.

– Пируэт⁹, – заметил Альперович. – Серёжа, сульфат магния!

Несмотря на то, что был всего лишь водителем, вскрывать ампулы и набирать лекарства Митрошкин уже умел, поэтому с готовностью помог докторам, у которых просто не хватало рук.

Возможности педиатрической бригады всегда были ограничены, но сульфат магния и ещё кое-что у них были, честно выцыганенные самим Сергеем в «аптеке»¹⁰ у седовласой Алёнушки, как называли Елену Константиновну, заведующую царством медикаментов. В свои восемьдесят два она была дамой живой, активной и могла обложить незнакомыми словами любую «ромашку» из новеньких. На этом они с Митрошкиным и подружились, потому что в первый раз

⁹ Пируэтная тахикардия – это специфическая форма полиморфной ЖТ у пациентов с синдромом удлинённого интервала QT. Потенциально жизнеопасна.

¹⁰ Склад медикаментов подстанции СМП.

старлей отреагировал рефлекторно, выдав некоторые выражения, с которыми старушка ознакомлена не была.

– Интересно, с чего пируэт? – поинтересовался работающий доктор. – Что такое случилось?

– Иди-ка сюда, – Света подозвала другую второклассницу, что явно что-то хотела сказать, но со страхом косилась в сторону изображавшей обморок учительницы. – Скажи мне, что случилось? – тихо спросила девушка, кивнув Сергею, закрывшему собой девочку от лежащей «обморочной».

– Марьстепанна Машеньку линейкой побила, – сообщил ребёнок, тихо всхлипнув. – За грязь в тетрадке... При всех... – девушка аж вздрогнула от интонаций, что заметил Митрошкин.

– Серёжа, – позвала Света водителя, сразу же подошедшего поближе. – Ментов на нас вызови, избиение ребёнка в школе.

– Ничего ж себе... – прошептал Митрошкин, бросив многообещающий взгляд на лежащую женщину.

Милиция и спецы подъехали одновременно. Олегыч, врач специальной бригады, оценил плёнку, немедленно похвалив тринадцатую, а Света показала доблестным милиционерам следы ударов на ногах ребёнка, пока доктор Альперович объяснял, чем это всё может закончиться для девочки. Сергею очень хотелось свернуть учительнице шею.

– Нам её так вязать? – поинтересовался молоденький лейтенант милиции.

– Не спеши, – произнёс Альперович, кивая фельдшеру. – Малыш, магнезию¹¹, кубов двадцать послойно.

– А-а-а-а! – закричала уколотая в мягкое место доселе изображавшая тушку в коме женщина. – Ма-амочки! Бо-о-ольно!

– Зато память отлично стимулирует, – сообщила Света, давя на поршень. – И совесть.

– Сейчас вы расскажете добрым дяденькам, зачем избили ребёнка, – сообщил доктор Витя. – А если вдруг забыли, то у нас ещё магнезия есть...

– Н-не надо, – прохныкала учительница начальных классов. – Я расскажу...

Вскоре машина тринадцатой бригады отправилась домой. Ребёнка, вполне способного стать инвалидом в результате происшествия, увезли «спецы»реаниматологи, женщину, вообразившую, что имеет право бить ребёнка, упаковала милиция, Марс дал добро на возвращение. Митрошкин ехал медленно, давая возможность Светке поспать в руках что-то нежно шепчущего ей Альперовича. Мужчина пользовался тем, что девочка спит, прижимая её к сердцу, что отлично Сергей видел, думая о том, что за танцами этих двоих наблюдают все, уже и ставки делая. Машина спокойно катилась в сторону подстанции.

Как ни странно, но вот таких вот запредельно напряжённых вызовов больше не было. Сутки проходили более-ме-

¹¹ Препарат магния, крайне болезненный при внутримышечном введении.

нее спокойно, отчего Митрошкин мог заняться выяснением произошедшего с Лерой, плотно сев на телефон, а Альперович со Светкой выясняли отношения. Делали они это очень тихо и ласково. Похоже, доктора решили танцы прекратить, что было, по мнению Сергея, очень даже хорошо. Меньше стрессов – легче жить.

– Василий, привет, Бурят беспокоит, – проговорил в трубку Сергей. – Дай мне установочную на Валерию Ивановну Зайцеву, двадцати лет. Что о ней известно?

– Тебе официалку или?.. – поинтересовался старый товарищ.

– В основном, или, – признался Митрошкин.

– Часа через два позвони, – попросил Василий, после чего отключился.

Через два часа звонить, впрочем, не пришлось. Старый товарищ с позывным «Змей» приехал на подстанцию, что уже было необычно. А уж задумчивое выражение лица собрата-офицера и вовсе наводило на не самые простые мысли. Пригласив Змея к машине, где им точно не помешают, Сергей вопросительно взглянул тому в глаза.

– Сложная ситуация, – сообщил ему Василий. – Отец-мать ей не биологические, но при этом концов не найти.

– В смысле? – не понял Митрошкин.

– Решение об удочерении есть, – объяснил ему Змей. – Но это вообще первый документ на неё. Ни в одном из наших роддомов она не рождалась, в базах сирот, насколько

удалось посмотреть, не числится. Не нашли такую девочку, хотя искали хорошо. Судью наши опросят, но, сам понимаешь, тогда ещё Союз был...

— То есть нужно смотреть у смежников? — сообразил Сергей. — Хотя нет, если бы они, биография была бы полностью... Загадка...

— Вот, ты понимаешь, — кивнул Василий. — Года два живёт с «хозяйчиком», при этом там «ещё страньше», как комбат говорил. В общем, мы покопаем, конечно, но всё очень странное.

Информация была из разряда очень непонятных, потому что получалось, что Валерия двадцать лет назад взялась просто из воздуха, а вот в настолько серьёзное раздолбайство верить не хотелось. При Союзе, конечно, многое бывало, но... То есть чудеса начались с самого начала, а девушке идти было действительно некуда. Наличие «хозяйчика» объясняло колоду карт — эти вели себя часто, как нелюди какие-то.

Поблагодарив товарища, Сергей вернулся на подстанцию — обдумывать ситуацию.

То, что рассказал ему старый приятель, было необычно и отдавало тайной. Но тайна рождения девушки, сейчас настолько никому не нужной, что её вроде бы не разыскивали... Сергей подумал о том, что «хозяйчика» следовало бы взять за определённое место и допросить. Очень бывшему

офицеру не нравилась вся эта история.

Затягивать он не любил, потому и запланировал на ближайшие дни себе развлечение. Была ещё история с портретом, возможно, если установить имя офицера на портрете, можно будет выяснить, откуда взялся ребёнок? Мысль, на взгляд Митрошкина, была рабочей.

Он уже думал подняться к докторам, когда неожиданно зазвучала рация. Рванувшись к машине, Сергей ответил на вызов, выслушав который, понял, почему диспетчер на станцию кричит, а не в «матюгальник». Рите было очень неудобно посылать детскую на «взрослый» вызов, но, видимо, действительно никого не было, а тут она, видимо, надеялась, что ей не ответят.

– Тринадцатая, вам недалеко, – зазвучал виноватый голос диспетчера. – Боли в пояснице.

– Тринадцатая принял, – меланхолично ответил Митрошкин, после чего пошёл наверх за своими воркующими докторами.

– Виктор Абрамыч, – позвал Сергей. – Ритка на поясничные боли послала, говорит, недалеко.

– Ничего, съездим, проветримся, – Альперович спокойно улыбался, при этом Светка смотрела на него так, что всё было понятно и без слов.

Доктора спустились вниз, при этом Виктор Абрамович за тащил девушку в кабину, усадив себе на колени. Сергей запустил двигатель и не торопясь выехал со двора подстанции.

Света, выглядевшая ребёнком на руках своего доктора, прижималась к нему.

– Всё, пропала девка, – прокомментировал Митрошкин. – Сдалась?

– Я ещё четыре года назад пропала, – отстранённо улыбнулась девушка. – Чудо же...

– Ничего, Малыш, домой приедем, я тебе сказку расскажу, – доктор Витя погладил Светку. – И будешь ты сладко спать.

– Добрую? – поинтересовалась девушка.

– Очень, – погладил её Альперович. – Прямо, как ты. Добрую, светлую... Люблю тебя.

– Сча-а-астье, – протянула Светлана, оперевшись на своего доктора. – Теперь точно всё будет хорошо.

– Приехали, голубки, – Сергей был доволен – доктора перестали танцевать друг вокруг друга, теперь смены будут более мирными. Ибо у этих двоих сначала ревность проснулась, доходя до смешного. – Топайте к своим животикам.

Доктора исчезли в подъезде, но Митрошкин чувствовал, что этот вызов простым точно не будет. Было у него такое ощущение специфическое, поэтому он выдвинул каталку и взглянул внутрь машины.

Светка выскочила буквально через пару минут, и, судя по её глазам, на вызове была неожиданность. «Как бы не снова кот», – подумал Сергей, разворачиваясь к докторше.

– Серёжа, девятую позови, у нас домашние роды, похоже.

И «психов» на всякий случай, – она выдернула ящик с надписью «Родовспоможение». – И сам поднимайся...

– Уверена? – удивился Митрошкин, такого ещё не переживавший.

– Витька не ошибается, – уверенно кивнула девушка, уносясь обратно в подъезд.

– Тринадцатая – Марсу, – проникновенно сообщил в радию Сергей. – По последнему адресу девятую и «психов».

– Марс принял, – услышал он ошарашенный голос диспетчера. – У вас там что, роды?

– Виктор Абрамыч не ошибается, – повторил молодой человек слова докторши, а затем поднялся наверх в квартиру.

– Принимаем, – услышал он, входя в квартиру. – Всё равно уже не довезём, да и сопротивляется она, кричит, что пилонефрит.

– Что тут? – удивился Сергей, пытаясь связать информацию воедино.

– Психоз тут, – вздохнула Светка. – Предродовой, значит. Бывает и такое...

– Насилу-у-у-уют! – закричала роженица. – Помогите!

– Да что ты орёшь, – грубовато ответил ей Митрошкин. – Мы и сами справимся. Ну-ка, трусы сымай, а то срежу! – добавил он, доставая невесть откуда взявшийся хирургический нож устрашающего вида.

«Психи» подросли через минут десять, по достоинству оценив вид Сергея с ножом в руке, ну а затем и потуги по-

шли. Наблюдать роды из первых рядов – зрелище для водителя было так себе, но уходить он не рискнул. К моменту приезда «акушерки»¹² истеричная дама уже и разродилась.

Передав пациентку, педиатрическая бригада отправилась домой. Сергей уже ничему не удивлялся, но вот эта ситуация навела его на мысли по поводу тайны рождения Леры.

– Виктор Абрамыч, а можно вопрос? – поинтересовался Митрошкин.

– Что случилось, Серёжа? – спокойно спросил Альперович, поглаживая задремавшую у него на руках Светочку.

– А если дома родили, нас не звали, то, получается, ребёнок не зарегистрирован? – высказал свою мысль Сергей. – Ну, там соседей нет или нелюбопытные...

– Теоретически, да, – кивнул доктор. – Практически вряд ли, слишком много людей вокруг. Сейчас-то уже больше нелюбопытных, но всё равно.

– Спасибо, – вздохнул Митрошкин, не заметив острого взгляда Альперовича.

«Значит, вариант, при котором девочку родили дома, не проходит», – думал Сергей, понимая, что нужно выяснить о погибшем собрате с портрета, тем более что характерные черты человека на фото и Леры совпадали. На дворе стояли непростые девяностые, полные бандитизма, странных тайн и разгула шарлатанов, обещавших счастье на месте за круглую сумму.

¹² Специализированная бригада родовспоможения и неонатологии.

– Здесь Марс. Внимание всем! – зазвучал вдруг напряжённый голос диспетчера в эфире. – Леночку с Танечкой на вызове взяли, адрес...

Глухо выматерившись, Сергей врубил всю иллюминацию, а Светка мгновенно озверела, что было хорошо заметно – бригаду взяли в заложники. Со всего города слетались свободные машины по указанному адресу, оглушая сиренами, не соблюдая никаких правил – спасти девчонок двадцать девятой бригады. Надежды на милицию не было никакой, поэтому бригады неслись по указанному адресу.

Машина затормозила, оказалось, что они успели первыми. Ни Альперович, ни Сергей не успели даже крикнуть, когда Малыш рванула по ступенькам вверх. Но раздумывать долго Митрошкин не стал, исчезнув в подъезде вслед за девушкой. Он снова был на войне.

– Не подходи! – кричал наркоман, прижав нож к уже окровавленной шее Леночки, как заметил краем глаза Сергей. – Коли, а то зарежу!

– А, может, сам себя уколешь? – поинтересовалась Светлана. – Дать ампулу?

В этот самый момент будто тень просквозила мимо неё, и в следующее мгновение взявший в заложники бригаду наркоман, соскучившийся по дозе, согнулся, хрипя. Быстро передав немедленно расплакавшуюся девушку Светке, Митрошкин наступил на руку, сжимавшую нож.

– Ну что, гадёныш? – усмехнулся Сергей. – Готов к путе-

шествию?

– Не убей его, Серёжа, – попросил доктор Альперович, сразу же свою просьбу объяснив: – Менты подъехали.

Уже прикидывавший, как бы поаккуратнее выкинуть наркошу в окно, Митрошкин только вздохнул. Через несколько минут неизвестного приняли милиционеры, а столпившиеся во дворе машины скорой помощи медленно разъезжались. Девочкам двадцать девятой оказывали помощь коллеги из психиатрии, у них были необходимые препараты, а переполнявшаяся Светка тихо-тихо сидела в руках своего доктора, уговаривавшего её не пугать его больше. Еще одно суточное дежурство тринадцатой бригады закончилось.

Глава шестая

– Получается, мама, что-то странное, – признался на следующий день маме Сергей, пока Лера спала. – Она не рождалась тут, её родители ей неродные, а усыновление – вообще первый документ. При этом её никто не ищет.

– Что-то я слышала о подобном... – задумчиво проговорила баба Нюра. – Будь осторожен, сынок.

– Конечно, буду, – кивнул он. – Как она?

– Совсем потерялась девочка, – женщина махнула рукой. – Бывало так, что люди теряли волю к жизни, вот и она также...

Лера действительно не понимала, зачем она всё ещё живёт. У неё не было дома, возвращаться куда-либо такой – в коляске – она не желала, отлично понимая, что её ждёт. По мнению девушки, жизнь была закончена, и как только гостеприимство Сергея и бабы Нюры закончится, ей останется только умереть. Получить работу инвалиду вряд ли было возможно, это-то Лера понимала.

Жить девушке хотелось, но после всего того, что произошло, она чувствовала себя практически изнасилованной, выставленной напоказ, опозоренной. После такого жить вообще смысла не имело. Девушка решила: будь что будет. Захочет её Сергей использовать – пусть, захочет выгнать – тоже пусть. Жизнь уже закончена.

– Ну, как ты? – поинтересовался Сергей. Голос у него был каким-то очень добрым, что для девушки привычным не было.

– Я... хорошо... наверное... – стараясь не заплакать, ответила она.

Держать себя в руках было необъяснимо сложно. Добрые, тёплые люди в этом доме создавали совершенно неповторимую обстановку. Довериться им очень хотелось, но было просто страшно. Правда, решив, что уже всё равно, Лера попробовала об этом не думать. Получалось так себе, потому что страшно-то всё равно было. Даже просто представить...

Девственницей Лера не была, но одно дело – по согласию, и совсем другое – то, что она себе навоображала, поэтому и боялась. Но день проходил за днём, а её никто ни к чему не принуждал. Напротив, с ней возились, как с маленькой, заставляя оттаивать даже против воли. Это было просто необыкновенно, но почему чужие, в сущности, люди себя так ведут, как не вели и родные, она не знала. А всё неизвестное пугает.

– Зачем я вам? – не выдержав, спросила она бабу Ньюру.

– Ох, внученька, – вздохнула пожилая женщина. – Как жизнь-то тебя приложила. Ты не должна здесь быть, но можешь, понимаешь меня?

– Нет, – честно призналась Лера, покачав головой.

– Силой тебя никто не держит, – спокойно объяснила баба Ньюра. – Ты – человек, Серёжа – человек, я тоже... Это

нормально, внученька, помогать тем, кто в беде, а ты в беде.

– Помогать... – Лера была несколько ошарашенной, о существовании таких людей она и не подозревала.

Она даже представить себе не могла, что кто-то будет для неё что-то делать просто так, ничего не требуя взамен. Хотя у неё сейчас ничего и не было. Уже совсем ничего, поэтому и расслабилась Лера, стараясь не думать о завтрашнем дне, послушно выполняя упражнения, разговаривая с бабой Нюрой, пытаясь ей помочь по дому.

В душе было пусто, но и просто равнодушно сидеть девушке не давали, приехав к вышиванию. Это была идея бабы Нюры – занять руки Леры. И как-то совсем неожиданно для себя девушка втянулась, при этом у неё создавалось ощущение, что она будто бы вспоминает, как это делали другие, но вот именно такого опыта у Леры точно не было.

Однажды, когда был свободен, Митрошкин решил прогнать портрет через друзей. Мысль была интересной, потому как «хозяйчик» из города куда-то делся. По крайней мере, найти его Сергей быстро не смог, что могло означать, конечно, побег, но с чего бы тому бежать?

– Я возьму портрет ненадолго, – тихо проговорил Сергей. – Копию сделаю, может, хоть так узнаем, кто она?

– Хорошо, – кивнула баба Нюра, наблюдая за вышивающей что-то Лерой. – Как родилась с пальцами, – поделилась она с названным сыном.

– Может, память генетическая, – пожал плечами бывший

старлей, внимания, впрочем, информации не придав.

– Всё возможно, – вздохнула пожилая женщина, проводив сына.

Только делая ксерокс портрета, сравнивая копию и оригинал, Сергей заметил, что форма на фото несколько другая, чем-то неуловимо отличающаяся от привычной ему. Кроме того, портрет в пластике создавал странное ощущение, как будто был не заламинированной бумагой, а чем-то другим. Но пока он оставил эти мысли, поехав к Василию.

Василий встретил старого товарища улыбкой, ему и самому была интересна эта ситуация, потому как возникшего из воздуха ребёнка он видел впервые. Девочку, насколько удалось установить, не помнил никто, но и в контрразведку с этим идти было бессмысленно – она никого не интересовала, не советское время уже было.

– Интересная форма, – сразу же увидел отличия Василий. – Это быстро не обещаю, но недельки за две установим.

– Спасибо, Змей, – улыбнулся Сергей. – По девочке ещё что-нибудь удалось узнать?

– Её не помнит никто, Бурят, – вздохнул его боевой товарищ. – Вообще никто, даже судья, чья подпись стоит, представляешь?

С одной стороны, это не значило ничего, а вот с другой... С другой, могло значить, что угодно. Выводы пока делать было рано, да и не желал особо Сергей делать выводы. Тайна вокруг девушки крутилась нешуточная, при этом иностранкой

она вряд ли была – русские черты круглого лица, небесно-голубого цвета глаза, русые волосы – всё это говорило о том, что девушка своя, славянка, что запутывало дело ещё сильнее.

Сергею внешне Лера нравилась. Девушку хотелось защитить, а о расширении знакомства старлей не задумывался. Привыкнув к тому, что женщин он интересуется постольку-поскольку, Митрошкин занимался обеспечением безопасности семьи. Без раздумий он включил Леру в состав семьи и также без раздумий хотел выяснить, угрожает ли ей кто-нибудь.

Как ни странно, но подсознательно девушка чувствовала это, стараясь не сильно пугаться медведеподобного мужчину. Лера постепенно приходила в себя, тем не менее ещё опасаясь расслабляться. Она чувствовала, что ещё одного такого удара не перенесёт, а жить, несмотря ни на что, хотелось. Ей очень хотелось встречать восходы и закаты, когда-нибудь встать на ноги, работать и стать счастливой. Иногда во время вышивания мысли убегали вперёд, рисуя красивые картины будущего – добротный дом, работу и... кого-то надёжного рядом. Кого-то, похожего на Сергея.

Зарядившие дожди продемонстрировали, что асфальт в городе клали сильно так себе, отчего количество дорожно-транспортных происшествий резко увеличилось. Альперович принялся учить водителя медицинской науке. Во-пер-

вых, Сергей сам попросил, во-вторых, это было интересно обоим. Светлана готовилась к свадьбе, поэтому в паузах молталась по городу.

– Тринадцатая, – голос Вики был виноватым. – Можете в общагу политеха смотаться?

– Совсем никого? – понял Альперович, уже привычно обнимая Светочку. – Ладно.

– Спасибо, Витенька, – обрадовалась диспетчер. – Там у них, судя во всему, авария при изучении репродуктивки.

– Господи, куда нас только не гоняют, – вздохнул Сергей, включая сирену. – Скоро и к бабкам пошлют.

– Типун тебе на язык, – прокомментировала Света. – Завтра покажешь, – не любила она бабушек, потому в педиатры и пошла.

Впервые Митрошкин видел, как стараются не ржать педиатры. Девуца с окровавленной моськой, парень молодой, хорошо забинтованный. И держащиеся из последних сил врачи. Пожав плечами, он включил сирену, отправившись к больнице. Сергей знал, что педиатры не выдержат, сами всё расскажут. Так доехали до больницы, где доктора отсутствовали довольно долго. Судя по всему – пытались отсмеяться.

– Доктор, хоть что было-то? – поинтересовался уже очень заинтересованный водитель.

– Ну как... Молодые таланты, – хмыкнул Виктор. – Девуца с кольцом в щеке решила орально поласкать юношу, а у него шарики в уздечку вбиты. Ну приступила она, и...

Сергей расхохотался. Теперь всё было понятно, процесс он себе представлял отлично, вот и получилось, что молодые пытливые умы зацепились намертво, не будучи в состоянии расцепиться. Для этих двоих ситуация, конечно, весёлой не была, а вот для докторов.... Доктора тоже люди.

Таких весёлых вызовов было немного, иногда на такие вот «репродуктивные» попадала и педиатрическая бригада, ибо начинали, по нынешним временам, подростки рановато, а там, где раннее начало, там и неожиданности. Неожиданности бывали самые разные, и заканчивались тоже очень по-разному.

– Тринадцатая, домой, – диспетчер ничего нового для них не имела, разрешив двинуться на подстанцию.

– Тринадцатая – Марсу, поняли, – подтвердил Альперович, а потом поинтересовался у водителя: – Серёжа, что тебя беспокоит?

– Девочка, которую мы с инфарктом забирали, – честно ответил Сергей. – Она не ходит, ну, я её забрал к себе, идти-то ей явно некуда в таком состоянии. Начал разбираться, а она как из воздуха возникла – анамнез жизни с решения суда об удочерении начинается.

– Вот почему ты спрашивал, – вздохнул много на свете уже повидавший доктор Витя. – Она может быть ублюдком кого-то из тогдашних партийных. Тогда всё получится логично.

– Да, об этом я не подумал, – кивнул Сергей. – Тогда дей-

ствительно... Хотя и странностей полно, должна же она где-то была родиться?

– Да изъяли все бумаги, и всё, – хмыкнул Альперович. – Как она вообще?

– Сломлена, – вздохнул Митрошкин. – Но мама справляется, так что шансы есть.

– Слышали, в тридцатую стреляли? – поинтересовалась Светка, желая перевести тему. Видимо, девушка что-то подсознательно чувствовала. – Совсем от наркоманов житья не стало...

– Я уже подумываю ствол в машину положить, – кивнул Сергей, об этом случае тоже слышавший.

Разговор как-то сам по себе увял, день покатился по накатанной. Вызовы были сравнительно простыми, да и немного их было, отчего Сергей всё чаще погружался в размышления о Лере. Девушка была... пожалуй, самое лучшее слово, её характеризовавшее – хорошая. Лера была хорошей девочкой, привыкшей выживать, выцарапываться, но судьба, видимо, захотела проверить её, просто завалив проблемами и бедами. Если бы Сергей в это верил, то предположил бы колдовство, но водитель в такие вещи не верил, то есть, согласно принципу Оккама, можно было предположить злую волю человека.

– Тринадцатая, улица... – голос диспетчера быстро поговорил адрес. – Задыхается ребёнок, три года.

Рита, дежурившая сегодня в диспетчерской, ещё только

проговаривала подробности и возраст, а машина уже сорвалась, вжимая Альперовича в кресло, а мгновенно проснувшуюся Светку сдвигая по каталке в сторону хвоста машины. Над головой тревожно и как-то тоскливо завывала сирена, скорая медицинская помощь набирала скорость. Ночные улицы расцвелились отблесками синих маячков.

Машина неслась по тёмным улицам, с рёвом входя в повороты и игнорируя абсолютно все правила движения, зато на месте они были уже через пять минут. Выскочивший со своего места доктор схватил чемодан укладки, легко взлетая на третий этаж, а за ним спешила-торопилась Светка. Как по наитию почувствовав необходимость своего присутствия, за ними поспешил и водитель. Звонок в дверь, испуганная мамочка, полупьяный папочка, Светка проскользнула в комнату, где пытается вдохнуть посиневший малыш, а Сергей в это время спокойным голосом объяснял, что теперь будет. Именно это объяснение вкупе с его телосложением почти парализовало взрослых, даже и не помышлявших теперь мешать работе врачей.

– Серёжа, Квинке, быстро везём! – доктор Альперович был донельзя лаконичен и отрывист, что говорило об очень неприятной ситуации.

Митрошкин кивнул, подготовленная им мать ребёнка смотрела большими круглыми глазами, в салоне работали врачи, а машина под отчаянный стон сирены сорвалась с места. Снова ночь, разрезаемая светом мощных фар, отблески

маячков... Сергей знал своё дело очень даже хорошо, поэтому ребёнка довели живым, дышащим и уже почти оклемавшимся.

Ночь, разумеется, на этом не закончилась, вызовов ещё было много, но вот мысль о злой воле буравила мозг бывшему офицеру военной разведки. Кто бы это мог быть, он себе пока и не представлял, понимая, что если это действительно так, то придётся бить первым, просто чтобы выжить. Мысль ему не нравилась, но... Сергей всё отлично понимал, и наивным не был очень уж давно.

Только отдохнули, и снова вызов, снова полетел по ночному городу белый автомобиль с красной полосой. Так проходил час за часом, вызов за вызовом, потому что такая у них работа – спасать, помогать, успокаивать. Ночь катилась к рассвету, заканчивались и сутки дежурства. Вот, пожалуй, и последний вызов... Неожиданный вызов в восемь утра, когда смена закончилась, и можно не реагировать, но... «массовое дэтэпэ, школьный автобус, все, кто слышит» – это не просто вызов, это отчаянный крик о помощи.

Школьный автобус – это два-три десятка детей, которым вот прямо сейчас, экстренно нужна помощь, и со всех концов города понеслись автомобили скорой, пожарной, даже МЧС... Этот крик о помощи стоял над городом, заглушая, казалось, даже десятки сирен спешащих машин.

– Малыш, с Сергеем! – приказал доктор Альперович, потому что прибыли они первыми. Он взял себе самую страш-

ную часть работы – сортировку. Определить тех, кому помощь нужна немедленно, и отделить от тех, кто мог чуть подождать. Вешать это на любимую Альперович не хотел.

Вот тут пришла пора и Сергею показать, чего он научился. Подавая шприцы, работая рядом с докторшей, водитель будто чувствовал, как в затылок обнажённым дулом автомата ему дышит смерть. Нет, не его смерть, но какая разница? Впоследствии Сергей так и не мог вспомнить, что и как делал, спасая детские жизни.

Десятки машин, десятки докторов бились и победили – сегодня не погиб ни один ребёнок. Домой разъезжались уже просто падающими от усталости, и только Сергей улыбался, шутил и всячески веселил уставших докторов педиатрической бригады. Он завёз домой ничего уже не соображавших от усталости Альперовича со Светкой, а сам отправился на подстанцию сдавать дежурство.

Впервые после службы у Сергея дрожали руки, но расслабиться он себе позволил только тогда, когда вернулся домой. Расслабиться в объятиях всё понимавшей названной мамы.

А Лера смотрела на то, как баба Нюра хлопчет вокруг явно перенервничавшего Сергея, недоумевая – что же могло так выбить его из обычного шутливового состояния? Что же такое произошло, что у сильного мужчины трясутся руки? Решив это выяснить попозже, девушка подкатилась к нему в коляске и обняла – неожиданно даже для себя самой.

Глава седьмая

– В архивах такого человека нет, – сообщил Василий. – Я тебе больше скажу, старлей, опознание нули дало. Он точно ни в Афгане, ни в другом интересном месте не служил. Кроме того, на форме при увеличении обнаружились орлы, чего в Союзе, как ты понимаешь...

– То есть ещё более непонятно, – произнёс Сергей, задумчиво почесав затылок. Но, получается же отец?

– Если судить по фотографии из личного дела, то, скорее, брат, – покачал головой Змей. – Есть характерные признаки. Получается, старший брат, которого точно так же, как и её, просто не было. В Союзе уже все стояли бы на ушах, а теперь...

– Да, – кивнул Митрошкин. Теперь никому ни до кого нет дела. – Загадка... А «хозяйчик» куда пропал?

– На дно Волги, – хмыкнул Василий, протягивая очередную папку. – Менты поделились, смотри.

В папке был так называемый «висяк». В реке обнаружено тело... Ноги закатаны в бетон... То есть довольно характерный способ убийства, ну и документы, и опознание... Это действительно был тот самый «хозяйчик», которого искал Сергей. Из возможных источников информации не осталось ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.